

УДК 930

DOI 10.5281/zenodo.17015883

Степанков З. Д.

Степанков Захар Денисович, ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарева», ул. Большевикская, д. 68, Саранск, Республика Мордовия, Россия, 430005. E-mail: Stepankovzahar7@gmail.com.

«Угличское дело» в трудах российских историков дореволюционной России (XVIII-начало XX вв.)

Аннотация. Статья посвящена анализу истории изучения и процессу формирования различных точек зрения, имеющих место быть в отечественной историографии, касаемо причин смерти царевича Дмитрия Ивановича Рюриковича в Угличе, 15 мая 1591 года. Делается вывод о влиянии личного восприятия исследователями характера личностей, связанных с произошедшим событием.

Ключевые слова: Угличское следственное дело, смерть царевича Дмитрия, историография, Смутное время в России, Борис Годунов.

Stepankov Z. D.

Stepankov Zakhar Denisovich, Mordovia State University, Bolshevistskaya str., 68, Saransk, Republic of Mordovia, Russia, 430005. E-mail: Stepankovzahar7@gmail.com.

The uglich affair in the works of russian historians of pre-revolutionary Russia (XVIII-early XX centuries)

Abstract. The article is devoted to the analysis of the history of the study and the process of formation of various points of view that have a place in Russian historiography regarding the causes of the death of Tsarevich Dmitry Ivanovich Rurikovich in Uglich, on May 15, 1591. The conclusion is made about the influence of researchers' personal perception of the nature of personalities associated with the event.

Key words: Uglich investigative case, death of Tsarevich Dmitry, historiography, Time of Troubles in Russia, Boris Godunov.

Младший сын царя Ивана IV Грозного, царевич Дмитрий, погиб в Угличе 15 мая 1591 года. Это событие стало одним из важнейших во всей истории Российского государства, выступило одной из причин начала Смутного времени, а также привело к смене правящей династии и исчезновению династии Рюриковичей в целом. Тем не менее, несмотря на неоспоримую важность этого происшествия, изменившего ход развития нашего государства, а

также некоторых зарубежных держав, оказавшихся непосредственными участниками событий начала XVII века, оно не получило однозначной, четкой оценки в отечественной историографии, и уже на протяжении нескольких столетий остается предметом дискуссий. По меткому замечанию Е. Ф. Шмурло, ««на протяжении свыше столетия наши исследователи, занимавшиеся вопросом о смерти царевича Дмитрия, беспомощно топчутся между Сциллой и Харибдой – дошедши-

ми до нас показаниями: одни обвиняющие, другие оправдывающие Бориса Годунова в убийстве последнего сына царя Ивана Грозного». Рассмотрение процесса эволюции взглядов ученых на события весны 1591 года, плюрализма их мнений по данной проблематике, при всей сложности и неоднозначности объекта исследования, а также изменении политических режимов и государственной идеологии представляет чрезвычайный интерес, позволяет уяснить, как в исторической мысли шел настойчивый поиск истины в так называемом «Угличском деле». А также проясняет процесс создания исторического облика царя Бориса Годунова, поиска доказательств его вины или, напротив, непричастности к приписываемым его персоне преступлениям. Актуальность статьи заключается в системном анализе эволюции трактовок «Угличского дела» в отечественной историографии XVIII–XX вв., что позволяет проследить, как политика, доступность источников и развитие методов исследования влияли на выводы историков. Поскольку это событие стало одной из причин Смутного времени, её изучение сохраняет свою важность для понимания истоков одного из ключевых кризисов русской истории. То есть мы можем сказать, что актуальность состоит не в открытии новых фактов, а в подробном историографическом анализе, способствующем критическому осмыслению события с различных точек зрения. Если же рассматривать временные рамки исследования, то наш выбор опирался на то, что этот временной отрезок позволяет проследить полную эволюцию взглядов: от господства обвинительной версии через появление первой критики (В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, Н. М. Карамзин) к всестороннему анализу и стремлению к объективности у историков второй половины XIX – начала XX века (М. П. Погодин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, Н. И. Костомаров, С. Ф. Платонов) вплоть до публикации главного документального свидетельства.

Рассматривая феномен «Угличского дела» в отечественной литературе XVIII

века важно отметить, что воззрения исследователей той поры на данное событие базировались преимущественно на данных летописных источников, в которых была в большинстве своем отражена последняя версия Василия Шуйского о том, что мальчик был убит по приказу Бориса Годунова.

Показателен в этом отношении, например, «Временник Ивана Тимофеева», один из важнейших исторических источников, посвященный эпохе Смуты. Законченный в период правления Михаила Федоровича, он отражал традиционный для эпохи ранних Романовых взгляд на Бориса Годунова как «детоубийцу Ирода» [3, с. 173]. Другие материалы начала XVII века также повторяют эту версию, что достаточно логично. Ведь именно в период правления Бориса Годунова Романовы попали в опалу, причины которой следует искать в борьбе за власть между двумя родами [1, с. 347]. Из этого следует и негативная оценка правления бывшего стольника в целом, имеющаяся в исторических материалах той эпохи

Как бы то ни было, а произведения классиков отечественной истории пропитаны негативной оценкой как к личности самого Годунова, так и к той роли, которую он, по их мнению, сыграл в угличской драме. И начать рассмотрение их оценок стоит с Василия Никитича Татищева и его «Истории Российской».

Опираясь на вышеупомянутые источники, он сформулировал собственные взгляды на данное происшествие. Во-первых, ученый принимает версию Нагих, и называет 3 фамилии убийц царевича: «на Угличе царевич Дмитрий Иванович погиб от Качалова, Битяговского и Волохова», приписывая к ним также Андрея Клешина, дядьку царя Федора Ивановича [1, с. 5]. Также, историк отмечает выводы следственной комиссии, выдвигая гипотезу, что Шуйский специально, чтобы угодить Годунову, сфальсифицировал результаты расследования. Что важно, никаких аргументов в пользу данной версии не приводится.

Единственное, что можно идентифицировать как довод в данном случае, это приведенное описание всех хитростей Шуйского, демонстрирующее, что данный правитель в бытность свою «рабом» был нечист на руку, и «всегда государям своим был неверен» [1, с. 28].

Также, интересно, что именно с деятельностью Годунова по предотвращению бунта, вызванного недовольством народа фактом убийства наследника престола, приказал устроить московский пожар, а позднее, чтобы задобрить народ, дал денег из казны на его восстановление.

Именно В.Н. Татищевым были введены в научный оборот многие положения (например, о причинах московского пожара), которые в дальнейшем за ним повторяли другие исследователи.

В том числе и М. М. Щербатов. В своем фундаментальном труде «История Российская от древнейших времен», а конкретно, в первой части шестого тома он достаточно подробно останавливается на событиях 1591 года. Образ Годунова в его изложении приобретает особенно зловещие черты. По утверждению М. М. Щербатова, не следственная комиссия, а Годунов, самолично, еще до начала следствия «выдумал» версию о «тяжком недуге», которым якобы был одержим царевич. В целом, описания М. М. Щербатова несут скорее публицистический, чем научно-исторический характер. «Когда князь Шуйский спросил: “Как в тяжком недуге Царевич небрежением Нагих себя умерщвил?” – Тогда все граждане Угличские, священники, иноки, мужья и жены, старые и юные единогласно возопили что царевич был убит...» [13, с. 63]. При всем при этом, даже на примере данного фрагмента становится ясно, что исследователь подгоняет свою гипотезу под результат, напрочь игнорируя имеющиеся исторические факты и материалы «...следственного дела», с которыми, он правда, вероятнее всего не был знаком, поскольку они были опубликованы впервые уже в XIX веке.

Также, данный исследователь словно повторяет за В. Н. Татищевым определенные положения. Особенно ярко это проявляется в описаниях личности Шуйского: «муж хитрый, честолюбивый и научившийся примером своих родственников не противоборствовать Годунову» [13, с. 66].

Важно отметить, что само произведение М. М. Щербатова было воспринято современниками, и учеными более поздних времен неоднозначно. У Екатерины II и прочих современников история М. М. Щербатова не пользовалась успехом: её считали неинтересной и неверной, а самого автора – лишённым исторического дарования. С. М. Соловьев отмечал, «Щербатов стал изучать русскую историю, когда начал писать её, а писать её он очень торопился» [11, с. 211]. Автор слишком сильно увлекается описательными средствами, а также остается заложником заранее сформированной им концепции (виновности Годунова), под которую он словно «подгоняет» исторический материал. Чувствуется, что М. М. Щербатов, известный в свое время публицист, так и не смог избавиться от эмоциональности восприятия тех или иных событий, приобрести научный, прагматический взгляд на вещи.

Последователем В. И. Татищева был и Н. М. Карамзин. Интересна его оценка Бориса Годунова. Он считал его человеком умным, щедро одаренным талантом государственного деятеля, далеко превосходящего по своим личным достоинствам своих современников. Он дает яркую характеристику Борису: «...Величественною красотою, повелительным видом, смыслом быстрым и глубоким, сладкоречием обольстительно превосходя всех вельмож, Борис не имел только... добродетели; хотел, умел благодетельствовать, но единственно из любви ко славе и власти; видел в добродетели не цель, а средство к достижению цели» [4, с. 614].

Из этого описания и вытекает его взгляд на характер угличских событий. В

целом, Н. М. Карамзин повторяет В. Н. Татищева, обвиняя Годунова в организации убийства Качалова, Битяговского и Волохова в его исполнении. Но, Николай Михайлович Карамзин дополняет рассказ конкретными примерами, которые, в отличие от текста М. М. Щербатова, выглядят аргументированно, и базируются на фактологическом материале. Н. М. Карамзин приводит различные даты, места, а также цитаты из летописных материалов.

Важно и свидетельство о борьбе Годунова с народными слухами, которые гласили, что именно Борис Федорович привел татар к Москве. «Годунов с совестью нечистою закипел гневом: послал чиновников в разные места; велел изыскивать, допрашивать, мучить людей бедных, которые от простоты ума служили эхом клевете, и в страхе, в истязаниях оговаривали безвинных; некоторые умерли в пытках или в темницах; других казнили, иным резали языки — и многие места, по словам летописца, опустели тогда в Украйне» [4, с. 617].

Отличавшихся от общепринятых взглядов по данной проблематике придерживался профессор Московского университета Михаил Петрович Погодин. В своей статье «Об участии Годунова в убиении царевича Димитрия» ученый выступает с опровержением версии, гласящей, что инициатором убийства являлся именно Борис Годунов. Исследователь акцентирует внимание читателя, на то обстоятельство, что на момент смерти наследника престола правящему монарху Федору Иоанновичу было всего 34 года, и существовала возможность его вступления в новый брак, с последующим рождением наследника престола. Что, соответственно, делало бессмысленными претензии самого Бориса на власть. Но, даже если отбросить это обстоятельство, Годунову, обладавшему большим политическим авторитетом, было лучше воспользоваться своим авторитетом и с помощью патриарха Иова отрешить Дмитрия от престола, совершить не физиче-

ское, а политическое устранение своего юного конкурента [2, с. 223].

Также у М. П. Погодина возникают вопросы к выбранному способу убийства: зачем убийцам «вместо тихого яда действовать звонким ножом? <...> Сколько невероятностей! Сколько несообразностей!» [2, с. 224].

Резюмируя, можно отметить, что для русской историографии XVIII – начала XIX века характерна, за исключением труда М. П. Погодина, однополярная трактовка угличских событий, основанная на хроникальных свидетельствах, возникших преимущественно в годы правления первых Романовых. Ведущие ученые-историки своей эпохи (В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, М. М. Щербатов) признают виновным в убийстве Бориса Годунова. Также, для всех этих исследователей характерна достаточно схожая оценка таких персоналий как Борис Федорович Годунов и Василий Иванович Шуйский. Их повсеместно признают людьми хитрыми, коварными и честолюбивыми, способными на преступление, что и выступает одним из аргументов в пользу их виновности в гибели царевича, а также сокрытии ее обстоятельств.

М. П. Погодин первым в отечественной исторической науке попытался выступить с опровержением общепринятой версии событий, произведя критический анализ аргументов приверженцев противоположной теории. Именно на его статью будут опираться многие исследователи более поздней эпохи.

Во второй половине XIX века в исторической науке появляется свежий взгляд на драматические события, произошедшие в мае 1591 года.

С. М. Соловьев производит анализ непосредственно самого следственного дела. Ученый отмечает путанный характер показаний, данных свидетелями, неполноту расследования, а также на его поверхностность: «Следствие было произведено недобросовестно. Не ясно ли видно, что спешили собрать побольше свидетельств о том, что царевич зарезался сам в припадке падучей болезни, не

обращая внимания на противоречия и на укрытие главных обстоятельств» [11, с. 213].

В данных строках можно заметить косвенный укор в фальсификации следственного дела, который, важно отметить, не высказывается напрямую. Также С. М. Соловьев, в отличие от большинства своих предшественников, не связывает Годунова со смертью царевича. С. М. Соловьев в целом абстрагируется от какой-либо субъективной оценки обстоятельств угличской трагедии, исключительно пересказывая летописные материалы и производя анализ следственных материалов. Важно отметить, что С. М. Соловьев акцентирует внимание на том, что образ Бориса Годунова как убийцы сложился именно в народном сознании. И его укоренение связано с прерыванием династии Рюриковичей и трагическим событиями Смутного времени, когда на свет появилось еще несколько «царевичей Дмитриев». В противном случае, гибель наследника престола была бы забыта, «как забывались и другие княжеские смерти, от которого нам не осталось даже сыского дела» [12, с. 301].

Схожей позиции относительно сыского дела придерживался и В. О. Ключевский. По его мнению, комиссия вела дело недобросовестно, тщательно опрашивая свидетелей по поводу каких-либо побочных моментов в ущерб первостепенным обстоятельствам, не выявляла и не пыталась распутать противоречия в показаниях, и, своей деятельностью окончательно запутала дело [9, с. 644].

Также, как и С. М. Соловьев, В. О. Ключевский воздерживался от прямых обвинений в адрес Годунова, но отмечал, что патриарх Иов, являвшийся приятелем Бориса Федоровича и получивший сан при его содействии, объявил соборне, что «смерть приключилась судом божьим» [5, с. 646]. Тем не менее, этот небольшой выпад в адрес Годунова не отменяет отрешенного, объективного характера изложения. В. О. Ключевский придерживается описательного стиля изложения, ис-

ключительно повествуя о произошедших событиях, не высказывая какого-либо личного суждения.

В противоположность двум вышеупомянутым историкам, Н. И. Костомаров четко и прямолинейно придерживается версии об убиении царевича Дмитрия. К угличской драме в своих трудах Николай Иванович Костомаров обращался несколько раз. В «Русской истории в жизнеописании ее главнейших деятелей» ученый высказывает свое неудовлетворение работой следственной комиссии. Причем, в отличие от беспристрастной манеры повествования своих предшественников, Н. И. Костомаров употребляет достаточно громкие эпитеты: «Следствие произведено было бессовестным образом» [6, с. 16]. Далее он также рассуждает о хаотичном порядке допросов, после чего первым из исследователей обращает внимание на крайне важное обстоятельство: во время следствия не был произведен осмотр тела.

В данном труде историк еще воздерживается от резких выпадов в адрес Бориса Годунова, отмечая, что степень согласия последнего на данный поступок остается неизвестной. Возможно, это было просто инициативой самих исполнителей, желавших выслужиться перед влиятельным управленцем. Вероятность того, что царевич Дмитрий погиб в результате несчастного случая, отмечается ученым.

Куда интереснее обстоят дела с другим трудом Н. И. Костомарова уже полностью посвященному «Угличскому делу». В статье «О следственном деле по поводу убиения царевича Димитрия» автор активно отстаивает версию в убийства сына Ивана Грозного. Приводятся «традиционные» аргументы о том, что Борис Федорович устранял конкурента, который мог в дальнейшем сам ликвидировать излишне влиятельного боярина. Вступая в заочную полемику со сторонниками версии о несчастном случае, Н. И. Костомаров вспоминает и про трижды изложенные Шуйским версии собы-

тий, и про его хитрость и приспособленчество, которая позволила ему сфальсифицировать результаты следственного дела. Последние, соответственно, отмечают из-за их признанного необъективного характера.

Также, словно апеллируя М. П. Погодину, Н. И. Костомаров аргументирует, что именно нож был самым удобным и практичным средством совершения преступления: «Кто бы из приближенных решился дать отраву? Нужно было чересчур большой отваги и презрения к собственной жизни, к чему обыкновенно неспособны тайные убийцы. Как бы только яд начал действовать, ребенок указал бы на ту особу, которая давала ему яство или питье, и тотчас принялись бы за эту особу и досталось бы этой особе прежде, чем соумышленники могли бы ее спасти.» [7, с. 34].

Н.И. Костомаров воздерживается от прямых обвинений Годунова в связи с убийцами, но отмечает, что в любом случае, все произошедшее сыграло на руку будущему царю. Следственное дело с его измышлениями не избавило Бориса от подозрения, констатирует Николай Иванович.

Интересно, что ученый также анализирует влияние угличских событий на события Смутного времени. Причисление Дмитрия к лику святых Н. И. Костомаров связывает не с политическими устремлениями Василия Шуйского, а с его раскаянием в совершенном много лет назад лжесвидетельстве, желании вознести благодарности высшей силе, вознесшей его на престол и восстановить светлую память безвинного оклеветанного ребенка [7, с. 35].

Данного вопроса касался в своих произведениях С. Ф. Платонов. В «Смутном времени» Сергей Федорович Платонов приводит аргументы в пользу невиновности Годунова в гибели наследника престола. Основным доводом является отсутствие необходимости в столь решительной и жестокой мере: царевич Дмитрий не мог быть конкурентом Годунову. В ожидании потомства царь Федор Иоа-

нович, обеспечивая будущность любимой им жены, Ирины Федоровны, приобщил ее, пусть и формально, к делам управления. Если бы Дмитрий остался живым, его право на наследование престола было бы без проблем оспорено Ириной. Логично, что законная жена и соправительница имела бы больше прав на трон, чем незаконный и больной царевич из уезда. И не стоит забывать, что царица была сестрою Бориса Федоровича, и этим самым стольник обеспечивал политическую погибель царевича, которая лишала необходимости воплощения в жизнь гибели физической [10, с. 45].

В работе «Борис Годунов» С.Ф. Платонов подробно анализирует как саму угличскую драму и предшествовавшие ей события, так и следственное дело и отношение современников к событию, которое произошло 15 мая 1591 года. В отличие от ранее упомянутых историков, С. Ф. Платонов считает, что результаты расследования комиссии Шуйского можно признать убедительными. По его мнению, материал выполнен безукоризненно с юридической и палеографической точки зрения, а его содержание «бесспорно для возбуждения преследования против Нагих и угличских “мужиков”» [9, с. 65]. Правдоподобность же направленных против Годунова версий происшествия в данном труде объясняется упорностью и охватом их распространения.

Исследуя произведения периода начала XVII века, исследователь приходит к выводу, что личность Бориса Годунова получает негативную окраску независимо от угличской драмы, которая чаще всего осторожно обходится авторами той эпохи. До канонизации и вовсе, предполагает С. Ф. Платонов, не вызывало особого волнения в общественной жизни. Канонизация же, в свою очередь, превратила выводы касавшего дела в закреплённый в общественном сознании факт, который нельзя было оспаривать [9, с. 69].

Важной вехой в историографии «Угличского дела» стало издание в 1913 году известным архивистом В. К. Клейном

«Дела розыскного 1591 года об убийстве царевича Дмитрия». Помимо самого факта публикации полной версии данного акта его фототипическим воспроизведением, также важно отметить, что В.К. Клейну удалось восстановить нужную хронологическую последовательность листов, в отличие от имевших место быть ранее в «Собрании государственных грамот и договоров» (II том) и издания, подготовленного Г. Беловым в приложении к критическим очеркам А. С. Суворина о Димитрии Самозванце. Важность данной публикации в исторической науке сохранялась и спустя 50 лет после публикации, и по сей день [2, с. 146].

Во второй половине XIX – начале XX века описания «Угличского дела» в отечественной историографии приобрели более научный, аналитический характер. Исследователи стремились всесторонне проанализировать источники, связанные с гибелью Царевича Дмитрия и дать беспристрастное описание, не высказывая в большинстве своем поддержки той или иной версии событий. В начале XX века

была опубликована восстановленная версия «Дела розыскного 1591 года об убийстве царевича Дмитрия», которое упростило процесс работы дальнейшим исследователям. Также, В. К. Клейну в введении к данному изданию удалось доказать, что «... дело» не было фальсифицировано.

В исторической науке досоветского периода наиболее распространена была версия о том, что наследник престола был убит. Ее поддерживало большинство авторитетнейших ученых тех периодов, которые свои оценки строили исходя из личного восприятия характера личностей, связанных с произошедшим событием, а также базируя свои умозаключения на материалах источников, которые были созданы в эпоху правления первых Романовых. Тем не менее, предпринимаются попытки альтернативной трактовки «...дела» (М. П. Погодин, С. Ф. Платонов). Со второй половины XIX века исследования приобретают более всесторонний, аналитический, научный и объективный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Великие российские историки о Смутном времени (сборник). Москва: АСТ, 2007. 733 с.
2. Веселовский С. Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М.: Наука, 1978. 343 с.
3. Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, пер. и коммент. О. А. Даржавиной; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1951. 509 с.
4. Карамзин Н. М. История государства Российского / [обработано и ред. Ю. Медведев]. Москва: Эксмо, 2009. 1020 с.
5. Ключевский В.О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. 1197 с.
6. Козляков В.Н. Герои Смуты. Москва: Молодая гвардия, 2012. 349 с.
7. Козляков В.Н. Лжедмитрий I. Москва: Молодая гвардия, 2009. 253 с.
8. Пискаревский летописец. Полное собрание русских летописей, т. 34. М. 1978. стр. 31 – 220.
9. Платонов С.Ф. Борис Годунов. Москва: Вече, 2019. 272 с.
10. Платонов С.Ф. Смутное время. Москва: RUGRAM, 2018. 202 с.
11. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Том 4. Санкт-Петербург: Амфора, 2015. 414 с.
12. Соловьев С.М. Полный курс русской истории в одной книге: в современном изложении. Москва: АСТ, 2010. 542 с.
13. Щербатов, М.М. История российская от древнейших времен. Том 6, часть 2 / Под ред. И.П. Хрущева и А.Г. Воронова. Санкт-Петербург: изд. кн. Б.С. Щербатова, 1904. 297 с.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Velikie rossijskie istoriki o Smutnom vremeni (sbornik). Moskva: AST, 2007. 733 s.
2. Veselovskij S. B. Trudy po istochnikovedeniju i istorii Rossii perioda feodalizma. M.: Nauka, 1978. 343 s.
3. Vremennik Ivana Timofeeva / Podgot. k pečati, per. i komment. O. A. Darzhavinoj; pod red. V.P. Adrianovoj-Peretc. Moskva-Leninrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951. 509 s.
4. Karamzin N. M. Istorija gosudarstva Rossijskogo / [obrab. i red. Ju. Medvedev]. Moskva: Jeksmo, 2009. 1020 s.
5. Ključevskij V.O. Kurs russkoj istorii. Polnoe izdanie v odnom tome. M.: «Izda-tel'stvo AL"FA-KNIGA», 2019. 1197 s.
6. Kozljakov V.N. Geroi Smuty. Moskva: Molodaja gvardija, 2012. 349 s.
7. Kozljakov V.N. Lzhedmitrij I. Moskva: Molodaja gvardija, 2009. 253 s.
8. Piskarevskij letopisec. Polnoe sobranie russkih letopisej, t. 34. M. 1978. str. 31 – 220.
9. Platonov S.F. Boris Godunov. Moskva: Veche, 2019. 272 s.
10. Platonov S.F. Smutnoe vremja. Moskva: RUGRAM, 2018. 202 c.
11. Solov'ev S.M. Istorija Rossii s drevnejših vremen. Tom 4. Sankt-Peterburg: Amfora, 2015. 414 s.
12. Solov'ev S.M. Polnyj kurs russkoj istorii v odnoj knige: v sovremennom izložhenii. Moskva: AST, 2010. 542 c.
13. Shherbatov, M.M. Istorija rossijskaja ot drevnejših vremen. Tom 6, chast' 2 / Pod red. I.P. Hrush-hova i A.G. Voronova. Sankt-Peterburg: izd. kn. B.S. Shherbatova, 1904. 297 s.

Поступила в редакцию: 31.03.2025.

Принята в печать: 05.09.2025.